

Х-2071.

8 ИЮЛ 1961

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТДЕЛА
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

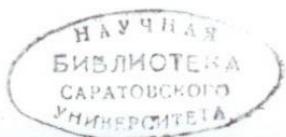
040704

№ 1

ЯНВАРЬ

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Проф. Б. М. Соколов

Первые шаги мордовской литературы

Судить о достижениях в области художественной культуры за годы революции не только в СССР, но даже в РСФСР, лишь по одному русскому искусству явно несправедливо и во всяком случае неполно.

Если говорить о силе культурного, в том числе культурно-художественного сдвига, порожденного революцией, то степень этой силы бесконечно больше ощутима среди тех народов, какие революция воззвала в подлинном смысле к новому рождению, из небытия к бытию.

Народы, систематически загонявшиеся в течение столетий на задворки культуры, насильственно обезличившиеся, лишенные права учиться и писать на своем родном языке, вдруг получили полную возможность строить свою национальную культуру и уже как равные собраться вступить в одну семью, объединенную общими идеалами нового социального строительства.

Закипела большая исполнанская работа, результаты которой будут сказываться с каждым годом все больше и явственнее. Надо быть свидетелями того, какие сдвиги произошли и происходят сейчас в недрах многочисленных, воскресших сейчас, так называемых раньше „инородцев“!

Мы не говорим сейчас о таких многочисленных народностях, как украинцы, белоруссы, татары,—размах и результаты работ здесь очевидны. Мы хотим обратить внимание на грандиозную культурную работу, проделываемую более малыми народностями РСФСР.

Если принять во внимание, что огромное большинство этих народностей почти совсем не имело своих печатных изданий, кроме миссионерских переводов церковных книг, то одна эта проблема о создании и выработке своего литературного языка есть такое грандиозное дело, оценить которое мы, современники, не в силах.

Если для нашей русской культуры и искусства сто лет назад вопрос о литературном языке составлял целую эпоху в развитии нашей литературы,—вспомним спор карамзинистов с шишковистами,—то этот факт по его значению был бесконечно менее важен, чем то, что сейчас производят наши собратья в XX в. Ведь за русской литературой были долгие века книжного развития, был уже огромный накопленный капитал; новый литературный язык был только литературной реформой.

Теперь же у малых национальностей происходит в буквальном смысле рождение литературного языка, без всякой литературной книжной традиции. Литературный язык создается на основах живой устной речи. Но это дело необычайно трудное, если мы учтем деление каждого языка на крупные и более мелкие наречия и говоры, часто очень и очень друг от друга различные.

Вспомним, например, что язык мари (черемис) делится на два далеко отошедшие друг от друга наречия—луговых и горных мари, язык мордвы также на две группы—мокши и эрзи и т. д. А в пределах эрзянского хотя бы наречия есть целые значительно отличающиеся друг от друга говоры.

Трудность работы увеличивается наличием слишком небольшого культурного слоя у национальностей, слабым наличием интеллигентных сил. Даже

тот, кто мог раньше, преодолевая большие препятствия, добраться до высшего образования в силу угнетательной политики царского правительства, не имел возможности отдаваться делу служения своей родной народности, он часто становился волей-неволей „отщепенцем“ своей национальной культуры. Почти полное отсутствие в столичных университетах специальных кафедр по языку и культуре народов России,—в частности, хотя бы многочисленных финнов (мордвы, вотяков, мари, коми-зырян и пр.),—не давало возможности создаваться кадру специалистов.

А потому большинству народностей приходится сейчас в деле создания своего нового культурного бытия, в строительстве своей новой жизни совершать поистине исполинский труд, напрягая большую волю и энергию, движимую энтузиазмом молодых сил.

Прав один активный работник одной из кавказских национальностей нашего союза, который недавно на краеведческом съезде в Москве, сказал: „Не судите по себе. Мы—малые раскрепощенные народности, делаем лишь первые шаги. Шаг ребенка, начинающего ходить, по своим достижениям равняется десяти шагам взрослого человека“.

Действительно, надо видеть непосредственно культурную работу, производимую на местах среди самоопределяющихся национальностей, чтобы понять всю ее силу и ее значение.

Пишущему эти строки пришлось в последние годы непосредственно быть в „лаборатории новой культуры“ целого ряда народностей, например, вотяков, мари, мордвы, чuvашей, немцев-колонистов и др., и быть свидетелем их порывов, величайшего энтузиазма и напряжения в деле создания и поднятия своей культуры. Приходится поражаться, как быстро вырастают и зреют на месте прежней пустыни свои национальные школы, своя печать, свои книги, свое искусство, как быстро и стихийно приобщаются к этому творчеству народные недра, народная глубь.

Пройдет какое-нибудь десятилетие и плоды этой творческой работы будут всеми осознаны. Недалеко то время, когда мы, русские, будем читать и зачитываться переводами новых поэтов и писателей мордвы, мари, кабардинцев, киргизов и многих других народов, с которыми мы жили так долго вместе и так мало знали, и о творческих возможностях которых мало задумывались.

В одной из своих статей на страницах этого журнала я постарался дать характеристику достижений в деле художественной культуры в Марийской автономной области, коснувшись в ней вопросов национальной музыки, песни и театра. В настоящей статье я хотел остановиться на вопросе о созидании художественной литературы у другой восточно-финской народности—мордвы. Мордва, хотя и очень многочисленная народность—ее насчитывается около 2 миллионов человек,—в силу своей территориальной разбросанности и национальной чересполосицы, пока еще не получила возможности выделиться в особую автономную область (впрочем, это дело как будто не за горами), но, тем не менее, ей уже удалось достичь больших и заметных результатов в деле своего культурного самоопределения—создать свои школы, учебники, печать, ряд культурных национальных объединений.

В области искусства ей удалось за последнее время немало сделать по собиранию произведений своего национального творчества, произвести ряд работ по изучению своего быта и истории.

Удалось ей положить и первые камни здания своей собственной художественной литературы.

Передо мной лежит достаточно обширный сборник произведений новой мордовской поэзии, любовно и бережно составленный одним из энтузиастов мордовской новой культуры т. Я. П. Григошиным, любезно предоставившим

его мне для ознакомления. В этот сборник вошли произведения мордовских поэтов, появившиеся за год революции на страницах мордовской периодической печати и снабженные переводом. Здесь представлены около 20 молодых поэтов, многих из которых я лично знаю.

Это, действительно, первые шаги мордовской (точнее эрзянской) молодой литературы, достаточно поучительные и показательные для понимания и осознания процессов зарождения национальной литературы. Характерен прежде всего социальный состав мордовского „Парнаса“.

Все эти заслуженные мордовской художественной литературы—подлинные сыны трудового крестьянства. Все это—исключительно молодежь от 20 до 35 лет. С большими трудностями, благодаря личной энергии и жажде знаний, получили и получают они образование, последовательно проходя от деревенской школы через учительскую семинарию или второклассную школу до вуза. (Большинство из этих поэтов еще сейчас учатся в университете или других вузах.) Некоторые прошли уже свою мордовскую учительскую семинарию или педтехникум. Все они то или другое время работали в качестве народных учителей. Труден часто бывал этот путь. Молодой (21 г.) поэт Сафонов с 6 лет поступил в сельскую школу, и его матери стоило больших хлопот и настойчивости, чтобы он поступил дальше во второклассную школу. Школа от родного села находилась в 60 верстах, и Сафонов всегда туда ходил пешком. Наконец, ему удалось поступить в Мачкасскую мордовскую семинарию, материально приходилось очень трудно. Все же Сафонов не падал духом: нахлобучит мордовскую шапку, затянет мордовскую народную песню и уверенно зашагает босиком вдоль большой дороги в свой уездный город, где в последнее время проходил курс педтехникума. А дальше... добрался и до саратовского университета, где сейчас ревностно „грызет гранит науки“.

Или другой поэт—Т. И. Учайкин (25 л.) из крестьянской большой семьи (12 чел.) к 10 годам кончил свою деревенскую школу. Пять лет никуда не удавалось поступить, пока судьба ему не улыбнулась: сначала попал в пензенскую учительскую семинарию, а затем, уже после революции, в свою национальную мордовскую учительскую семинарию в с. Мачкасах. Кончил. Но родная деревня жадно требовала образованных своих работников. Поступил в свой сельсовет переписчиком, а затем уже работал членом президиума, затем два года учителяствовал среди мордвы, пока в 1924 г. не был командирован в саратовский университет.

Плоды своей национальной средней школы (учительская семинария, затем педтехникум) уже и сейчас дали свои определенные положительные результаты. Вот что пишет в своей краткой автобиографии еще один из мордовских поэтов, Н. Ф. Цыганов: „Родился я в семье бедного мордовского крестьянина в 1904 г. Родиной является большое мордовское селение Мачкассы, Саратовской губернии. Семи лет привлекли меня к полевым работам, с восьми лет отдали учиться в сельскую начальную школу, какую я окончил в 1916 г. По окончании начальной школы было большое желание продолжать учение, но средства моих родителей очень серьезно запротестовали против моего желания, и только Октябрь открыл мне путь к свету. В 1918 г. в разгаре революционных событий я поступил в только что открытую в своем селе мордовскую учительскую семинарию, которая по своему местонахождению не потребовала от родителей больших расходов, а потому родители против моего дальнейшего учения не возражали. В 1922 г. мордовский педтехникум был переведен в уездный г. Петровск, я тоже перекочевал с ним. В 1924 г. по окончании курса, УОНО, а потом саратовский ГУБОНО и ВКП (б) нашел нужным отправить меня в вуз на педфак саратовского университета, где я

нахожусь по сие время "... Таков путь от сельской школы к университету, если кому посчастливилось последнее, прошли и другие мордовские поэты, как Я. П. Григошин, И. Кривошеев и др.

И действительно, знакомясь с этой литературой, легко убедиться, что главная ее тема—это думы труженика-земледельца, деревенский быт, жажда света и знания, хвала науке и просвещению, и над всем этим радость национального самосознания, тесно связанного с торжеством идей революции, бодрая вера в ее творчество и светлый завтрашний день.

Одно только счастливое сознание, что пришла новая эра жизни так долго забытой мордовской народности, что можно не только думать, но творить и писать на своем родном языке,—уже одно это служит достаточным стимулом к творчеству, к созданию и дальнейшему развитию своей литературы.

Недаром самое первое стихотворение, напечатанное во время революции на эрзянском языке, отражает как раз это радостное настроение. Стихотворение это еще слишком несовершенно, наивно по форме, но значение его—в искренности тона, в нескрываемой радости.

Теса тоса
И Московска
Миник пара
Церанок
Эрзянькелень
Кувалма
Чивя аздыть
Работеть и т. д.

Это, как и все другие стихотворения, приводим в прозаическом переводе.

„Там и сям в Москве наши хорошие ребята, не щадя ни дня ни ночи, работают над эрзянским языком. Они делают хорошее дело, подают нам хорошие мысли. Потихоньку от души делают дело прочно. Что знают, что видят—про это пишут. Мы смотрим и ждем, когда скажут нам: „У нас есть народ, у нас есть свой язык“.

Сознание, что есть свой родной язык, что есть возможность на нем творить и писать, дает бодрость и радость. Упомянутый нами поэт Сафонов, который так настойчиво рвался к знанию, в своем стихотворении „Пасибань ефташа“ говорит:

„Жил-был я на Узе, на конце мордовского села. Раз в огороде раздумался о своей жизни. Думал я о школе, как учиться, и в голову пришли печальные мысли, сказал: „Наверное, остался (без науки)“. Но вспомнил я в этот же день, что есть мордва, которые, за нас хлопочут, учиться зовут. И снова я обрадовался; домой скорей побежал“.

Товарищ рассказал ему, какая сейчас идет работа среди мордвы в Саратове, сказал он ему, что там есть и русские, которые „за мордовов“.

„Наверное эти знают, что над мордвами такие русские смеются, которые сами до двадцати пяти считать не умеют“.

Стихотворение заканчивается мыслью о том, что счастье мордвы в учении. Другой поэт, Учайкин, в своей автобиографии свидетельствует также, что именно возможность писать на своем мордовском языке послужила для него главным стимулом его литературного творчества.

Но велика еще темнота народная, великай и трудная задача выпадает на новых деятелей по просвещению своего народа.

„Почему у нас много горя,—жалуется один из лучших поэтов мордвы, Григошин,—почему плоха наша доля, короток наш ум, разлагаются наши дела—виною этому, наверное, наша темнота“. И подтверждает это образным мордовским выражением „сокорста казяма кись“, что в переводе значит

„для слепого всякая дорога корява“. В другом своем стихотворении „Коске годтне од пряфть вяшить“ (Сухие годы просят новых мыслей) он призывает своих одноплеменников перестать думать „старыми мыслями“, а „разбивать нужду - горе свежим сознанием“. И заканчивает стихотворение следующими строками.

„Все вы, друзья, должны уметь читать газеты, все подвиньтесь ближе к науке, хорошие мысли в книге найдете, новой дорогой скорее пойдете“.

Этому вторит и еще одно стихотворение того же Григошина— „В светлом дне наша радость“. Здесь слышим тот же призыв: „разбить слепой глаз новым словом, книгой“, так как „здоровый глаз в книге разглядит добрый день“.

Также о радостном просветленном дне поет поэт И. Кривошеев, обращаясь к мордовским детям, „майским цветочкам“.

„Счастливого времени вы современники, других обычаев вы руководители. Как хороши ваши сердца, как хороши ваши голоса. К светлому дню вы идете, хорошие мысли вы возьмете“.

Радостно приветствуют деревенские мордовские поэты свои мордовские газеты, явившиеся первой ласточкой их печатного родного слова. „Большое дело ты сделала,— обращается поэт Ерюшев к издающейся в Москве мордовской газете „Якстере теште“,— мордовский язык избрала, другое дело о нуждах услышала... Твой свет увидела вся эрзя, твои слова поняла вся мокша“, а другой поэт Я. Ананькин в стих. „В селе“ (Велиса) описывает, как вечером после работ у пахаря Григория происходит чтение вслух мордовской газеты.

Так как мордовские поэты, как мы видим, почти все просвещенцы—народные учителя, естественно, в их поэзии не могут не отразиться думы и заботы учителя о школе. Таково, например, стихотворение „Старое сельцо“ Григошина, где он говорит о трудностях организации школы в темном селе.

Но новая жизнь, новые идеи создают новый быт деревни, несмотря на все тяжелое наследие прошлого, несмотря на нужду, нищету... Мордва вообще одна из самых трудолюбивых и хозяйственных народностей, а поэтому идеи о необходимости решительной борьбы с отсталыми формами земледелия и привитие новой агрокультуры быстро входят в ее сознание. Это отражает и молодая мордовская поэзия.

Подобно нашим поэтам—печальникам о народе, у них много стихотворений на тему „Дума пахаря“, „Песня пахаря“, „Думы дяди Карпа“ и т. д.

В стихотворении Григошина „Нужда и горе пахаря“ представлены последствия царской войны для мордовского хозяйства, крестьян и сельчан. Григошин переложил в стихи простые, но потрясшие его слова одного крестьянина мордвина, которого поэт встретил на железной дороге в 1920 г. На вопрос автора „куда ты едешь?“, крестьянин со вздохом ответил: „Сам не знаю— мне теперь все равно“ и по-мордовски рассказал ему свою судьбу.

„Много лет, много зим наживал, это добро в поте лица добывал. Думал хорошо всю жизнь провести, а детей своих уму-разуму научить. На дворе много было скота, возле тока стояло пять одоней... Плохие годы меня скоро встретили, с ног свалили, повалили. С нехорошими мыслями царь войну объявил, трех сыновей из семьи зараз взял, убили детей. а затем и самого меня призвали. Отняли силу, стан разбили, пустили. Пришел домой—смотрю, прогнил двор, прогнили сани и телега. Война все мое добро взяла и слезами широкий путь облила“.

Тяжело наследие прошлого, слишком труден земледельческий труд с традиционной отсталой сохой.

„Ой, кормилица моя, деревянная сошка,— обращается в лице дяди Карпа

поэт Сафонов,—ты заставила болеть мои руки и остановила ход моих ног, согнула, сошенька, мою спину.“

Мыслью о необходимости перехода к новой земледельческой технике проникнуто очень удачное стихотворение Григошина „Песня пахаря“. Так как автору удалось составить стихотворение в духе подлинной мордовской песни, обильно использовать народные поэтические звукосочетания и вообще приемы мордовской поэтики, то это стихотворение сошло со страниц печати в народные уста и распевается теперь в виде народной песни. Сам автор признается, что это стихотворение он создал под влиянием рассказов одного деревенского мордвина-„смехотворца“, который артистически умел высмеивать недостатки традиционного крестьянского быта.

„Звенит-гримит наша телега, скрипит-трещит борона, дубовые клинья-сошники, загнутая жесть-коса. „Шатай-мотай“—наша лошадка, шелудивый маленький жеребенок, без вымени большая корова, теленок с войлочным животиком. В поле иду я работать, нужды-горя много вижу, как жук землю разрываю, как кузнецик хлеб я разгрызаю. Дай, наберу я новое сознание, дай, куплю новую сбрую, землю трактором вспашу, железным конем хорошенко потопчу“.

На ряду с подобного рода призывами, в известной мере агитационными стихотворениями, в которых звучит так явно горячее стремление скорей сдвинуть вперед отсталую культуру своего родного народа, в рождающейся мордовской поэзии мы находим большое количество стихотворений, изображающих деревенский быт, крестьянский труд, окружающую сельскую природу в разные времена года.

Больше всего изображений местной природы, родного пейзажа мы находим в стихотворении еще одного поэта, которого я сознательно не упомянул выше. Это не поэт-выходец из крестьянства и ставший интеллигентом по профессии, как все вышеназванные другие мордовские поэты, а это подлинный крестьянин-пахарь, никогда не порывавший со своим прежним мужицким трудом. Таких поэтов-самоучек среди разных народностей теперь много знает наша современность. Такое же знаменательное явление видим мы на примере Н. И. Егорова и у мордвы. Никон Иванович, крестьянин с. Сухого, Бугурсланского уезда, Самарской губ. Родился он в бедной мордовской крестьянской семье в 1878 г. Отец его „дедушка Иван“—человек был грамотный, был большим „говоруном“, любил жить „по-новому“. После своей смерти старик оставил семью человек, в числе которых был и девятилетний Никон. Осиrotелая семья стала часто ходить босиком. Всего один год смог Никон проучиться в школе, нужда заставила его ее кинуть, а между тем мальчик проявлял большие способности, особенно в рисовании и в стихоизложении. Любил он слушать песни и удивительно быстро их запоминал. Любя природу, по целым дням бродил он по лесам, берегам родных рек и по полям. С ранних лет у него явились неудержимое желание выразить свои чувства словами, но он чувствовал бедность запаса своих слов и часто негодовал на это. Из любви к музыке еще мальчиком упорным трудом смастерил он себе скрипку. 21 г. Егоров женился на мордовской девушке, которая понимала стремление мужа и поощряла. Последние свои деньги Егоров тратил на приобретение книг, главным образом, стихотворений русских крестьянских поэтов. С 35 лет деревенский поэт начал делать попытки сочинять свои стихи, сначала на русском языке, а потом на своем мордовском. Сначала Никон Иванович боялся показывать кому-нибудь свои стихотворения на мордовском языке, так как это даже ему самому казалось диковинкой. Открытие мордовского пединститута сблизило Никона Ивановича с людьми, знающими литературное дело, он получил от них одобрение

и стал выступать открыто со своими мордовскими стихами. Писал он медленно и серьезно, точнее говоря, он диктовал, а дети писали.

По его стихотворениям, действительно, мы чувствуем человека, горячо влюбленного в природу своего родного края. Часто поэт говорит образами мордовской народной песни. Описывает он „Осенний день“:

„Осенний день пришел, хороший денек пришел, красивую рубашку лесочек снял, белый снежок пришел, холодный снежок выпал, красивые все цветы убили. Хмурым медведем выглядит все небо, чирикающих воробьев оно спугнуло. „Ох, этот холодок, ох, эта зимушка, со всех лесов листья порвала.“

В стихотворении „Вечером ложились, еще осень была“ он так описывает внезапный приход зимы:

„Вчера осень была, а нынче зима... На концах веточек ледяные сережки ломаются, лес прижмет—все трещит“.

Мирная картина после трудового дня дана в стихотворении „Вечер“:

„С заходом солнца день ложился, светящим огнем горят облачка, с востока луна поднималась. В серебряном бисере дремлют листочки. Люди вернулись домой с поля, в каждой избе стали ужинать, места за столом полны детишек. Женщины стали постели стелить. Кончили ужин—до земли поклонились, детей уложили всех на полу, с уборкой хлебов они очень устали, как уснули—никто не заметил. Село уснуло, поле молчит, и звезды, как будто, глазочками мигают. Только ветер солому шелестит, а луна светла так—будто бы день“.

Больше всего поэт любит весну. Но, к сожалению, ему пришлось писать весенние стихи в тяжелые годы черного голода, такого гибельного и такого страшного для поволжских степей. И невольно радость весенних стихов отравлена горькой печалью. Трогательный образ упавшего духом пахаря вызвал этот мордовский деревенский поэт в лице старика Кирея в стих. „Весной утром“. В беседе со своей клячонкой изливает старик свое горе, так резко контрастирующее с весенней радостью природы:

„В утро весенне выходил я в поле, вдоль по реке, вверх по воде я шел. Лужок был зеленый, с цветами. Медовым запахом вдоволь я напился. Хороший был день. Очень хорошо внятен был голос весны на разных языках. (Тут и трясогузка прыгает, кружится, и жаворонок сверху серебро роняет)... А на берегу речки старик Кирей пашет и сам с собою разговаривает: „Хоть кусочек хлебца. Сзади сохи хожу и спотыкаюсь. Каждый год высеваю загон, не могу понять, отчего голодаю. Смотри-ка, как ветерок дует. Хвост и гриву по одной волосиночке делит, шевелит. Так и у меня мать голову расчесывала и нежными пальцами по голове водила. Давай—вези, бурая. Не упрямься, теперь мы с тобой сравнялись, с тобой нас никто не жалеет. Одну соху таская, мы совсем устали. Еши ты, бурая, крышу от сарай, поэтому косточки у тебя одни остались. И мне знать, пришлось ковылем-травой (питаться), потому руки-ноги мои задрожали... Весенней зарей выходите вы в поле, хорошенко смотрите, внимательно слушайте: птицы поют, а лужок в цветах. Они поют, говорят о весеннем дне. На одном поле, под одним небом вы увидите среди них пахаря; тогда время теплей, тогда день светлей, но почему в это время доброе он плачет?“

Не только у Егорова—и у большинства других мордовских поэтов черная година голода оставила след на их стихах. В них еще явственнее и еще увереннее звучит надежда на „московские мысли“, на выход из беды поднятием земледельческой техники, надежда на науку, машину, трактор.

Н. И. Егоров не единичный пример мордовского крестьянина-поэта. Очень показательным является стихотворение „Девичья новая песня“, сочиненное деревенской мордовкой средних лет, присланное в редакцию, где оно после систематического исправления было напечатано. Стихотворение это, свидетельствующее об известной активности, проявленной в наше время простой

мордовской женщиной, показывает на те крутые сдвиги, какие произошли после революции в патриархальном бытовом укладе мордовской деревенской семьи. Кстати, поэтесса эта (Филатова) чуть умеет читать и писать. Вот что она сочинила:

„Прошли плохие времена, доля старая свалилась, пришли новые обычаи, издаватели наши упали. Не дрожит теперь мое сердце, не дрожит теперь мое тело, мужа как огня не боюсь, из женотдела силенок возьму. Моя сестра—пионерка, моя тетка—комсомолка, старая тетка—делегатка, старшая сноха—коммунистка“.

Бодрый радостный тон этого стихотворения еще более выигрывает по сравнению с содержанием другого мордовского стихотворения „Девичья старая песня“, где в духе народной старой песни изображено тяжелое положение женщины-мордовки в традиционном старом быту.

Кстати сказать, только что приведенное стихотворение „Новая девичья песня“ быстро вошло со страниц печати в оборот не только литературных вечеров мордовской молодежи, но перешло и в уста народа и стало распеваться на ряду с другими народными мордовскими песнями.

Обращаясь вновь к творчеству основного ядра мордовских поэтов, мы должны отметить еще значительное количество сатирических стихотворений, бичующих пережитки старого быта, темноту, кулачество, самогон, религиозные предрассудки и т. д. Любопытно, что сатира эта выдержана в большинстве случаев в народном мордовском стиле. „Появление юмористических стихотворений на страницах мордовской прессы,—как об этом говорят сами мордовские литераторы,—вызывало со стороны мордвы большой интерес. Некоторые стихотворения быстро вошли в обиход „улицы“ в качестве частушек, вытесняя с успехом бесчисленные уличные винегреты из русско-мордовских слов, которыми обычно питается мордовская молодежь в своих хороводах. Среди взрослого населения мордвы нередко встречаются любители „острых выражений“, которые оказались особенно внимательными к юмористическим стихотворениям, вырезывая наиболее удачные из мордовских газет „на память“, как они выражаются“.

Размер и форма в сатирических стихотворениях вполне соответствуют содержанию: обычно учащийся ритм с обилием рифмы, короткие фразы, например, сатира „Сельский кулак“ в переводе:

„Делец Прокофий! почему у тебя живот больно большой, почему нос с пирог, глаза, как чаплушки, рот—большое лукошко, язык—большая лопата, руки—большие грабли, карманы—большие колодцы? Потому что ты очень богатый; как беременная женщина, живот, как большая бочка, лицо—как корчаги. Ты, как паук косматый, людей пугаешь; как кровь сосущая улитка, ты их кровь сосешь“.

Есть сатиры на монаха-обманщика, на попа, на самогонщиков и пр.

Таково основное содержание нарождающейся мордовской поэзии. Как не трудно убедиться из приведенных примеров, мордовская поэзия сейчас носит преимущественно „учительный“ характер. Гражданские мотивы строительства новой жизни, борьба со старыми пережитками, горячая жажда поскорей двинуть вперед отсталую культуру самоопределющегося родного народа, призыв к творчеству, науке, просвещению,—вот что служит основным стержнем творчества молодых мордовских поэтов. Это вполне понятно—революция дала новое бытие угнетенному мордовскому народу, революция окрылила угасшие надежды, революция дала народу право на свой язык и на развитие своих творческих сил.

Влияние в первую очередь на молодую мордовскую поэзию наших крестьянских поэтов вполне естественно, если вспомним социальный состав

мордовского молодого Парнаса, целиком вышедшего из глубин народа-земледельца и целиком в мотивах и темах своего творчества, как мы видели, выражавшего думы и настроение деревни.

Вторым чрезвычайно важным источником книжной мордовской поэзии является богатая и высоко-художественная родная мордовская устная поэзия—мордовский фольклор. Произведения мордовского фольклора далеко еще не все собраны. Здесь предстоит для деятелей мордовской национальности большая и солидная работа. Но и то, что собрано, показывает большую художественную и историко-общественную ценность мордовского устного творчества¹.

Этой крепкой связью новой мордовской поэзии с выношенной веками и сложившейся в недрах мордовского народа поэзией устной—мордовской эпической и лирической песней—достигается органичность развития новой мордовской литературы и доступность последней для широких народных масс мордвы. Мы уже видели ряд примеров, как печатные стихотворения сходят быстро со страниц печати и входят в народный обиход наряду с традиционной народной песней. Этим же отчасти обстоятельством облегчается проникновение в печать стихотворений, составленных полуграмотными крестьянами, прекрасно владеющими приемами народной мордовской поэтики.

Типичные стилистические приемы мордовской поэтики, как, например, обилие и любовь к синонимическим выражениям, когда одна строка стиха повторяется в другой, с малой вариацией смысла, но в ином словесном сочетании, любовь к парным словам-синонимам, любовь к звукоподражательным выражениям и, наконец, своеобразная природа и характер поэтического образа.

Мы видели на примере сатирических стихотворений, что они возникли в подражание народной сатирической песне, то же мы видим на примере „Новой девичьей песни“ и т. д. Мордовские поэты использовали разные народные песенные жанры. Так, большое стихотворение „Эрзяньяля-Богатырь“, где в образе мордовского парня-богатыря выражен стихийный протест мордовского народа против векового угнетения мордвы царизмом, создано на основе мордовско-эпической песни, мордовской былины. Даже обрядовые песни „Колядка“ использованы мордовскими поэтами для злободневного комсомольского стихотворения. В старую форму вложено содержание современной революционной эпохи.

„Коляда, Коляда. Молодежь, слушайте про новое рождество, о гибели старых предрассудков! Коляда, Коляда! Молодежь, слушай же! Туда-сюда ходили, мы ходили-бродили, новое рождество нашли, под ваше окно принесли, комсомольским называется, светлые дни несет. Коляда, Коляда! Молодежь, слушайте. Вечерняя заря потемнела. Старый мир ослеп, в слезах его глаза, во мху его мозги, гнилое дерево его стан, в грязи весь он сам. Коляда, Коляда! Молодежь, слушайте! Новое рождество завтра будет, завтра принесет хороший день!“

Так рождается мордовская поэзия, уходя своими корнями в глубины своего мордовского поэтического наследия и жаждно стремясь к новой жизни, к новым далям.

Великие и богатые плоды с каждым годом, а чем дальше, тем больше и больше, дает и будет давать великий дар революции—самоопределение и раскрепощение огромной семьи больших и малых народов, объединенных сейчас в братский крепкий Союз!

¹ Ср. „Мордовский Сборник“ А. А. Шахматова. П. 1910 г. и „Саратовский Этнографический Сборник“. Вып. 1, под редакцией проф. Б. М. Соколова. Издание Мордовского Подотдела Губотдела по делам национальностей при Саратовском Губисполкоме. Саратов, 1922 год. В главной части посвящено работе М. Т. Маркела, Саратовская мордва—этнографические материалы.